

лирования не соответствует ни «мировым» стандартам, ни требованиям практической эффективности в современных условиях интенсификации трансграничных отношений в рамках СНГ. Наличие двух конвенций с различным составом участников и отсутствием принципиальной разницы в регулировании, откровенно «слабое» по качеству регулирования Соглашение 1992 г., разность в подходах ведущих государств-участников СНГ к регулированию схожих процедур на универсальном (Гагская конференция) и региональном (СНГ) уровнях, свидетельствует о серьезных проблемах в международно-правовом регулировании вопросов международного гражданского процесса в рамках СНГ, которые нуждаются в осмыслении и выработке предложений по способам их разрешения с учетом имеющегося мирового опыта и уровня интеграции в рамках СНГ.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г., ратифицированная Законом Украины № 240/94-ВР от 10.11.1994 // Офіційний вісник України. – 2005. – № 44 (16.11.2005). – Ст. 2824.
2. Угода про порядок вирішення спорів, пов'язаних із здійсненням господарської діяльності 20.03.1992 р., ратифікована Законом України № 2889-ХІІ від 19.12.1992 // Офіційний вісник України. – 2005. – № 12 (08.04.2005). – Ст. 587.
3. Convention of 18 March 1970 on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=82.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 [Электронный ресурс] // ЛігаБізнесінформ.
5. Статус Гагской Конвенции 1970 г., заявления и оговорки государств-участников: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hcch.net/index_en.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННОГО ПОДКУПА В УКРАИНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Виктор ЦИТРЯК,

ассистент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article is focused on the role of legal culture and social-psychological state of society within the system of causes of corruption in contemporary Ukrainian society. The article is also focused on such phenomenon of Ukrainian society as tolerance to corruption-based relations, low level of legal knowledge and legal culture. The functionality of corruption as the ability to respond the specific requirements of the social system – to simplify administrative links, accelerate the adoption of management decisions is emphasized. Certain ways of neutralization of the cultural and socio-psychological factors in order to minimize the risks of corruption are proposed.

Key words: corruption, bribery, bribe, official crimes.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению роли правовой культуры и социально-психологического состояния общества в системе причин и условий коррупционного подкупа в Украине на современном этапе. Кроме этого анализируются такие свойственные украинскому обществу явления, как толерантность к коррупционным отношениям, низкий уровень правовой грамотности и правовой культуры. Подчеркивается функциональность коррупции как способность удовлетворить определенные требования общественной системы – упростить административные связи, ускорить принятие управленческих решений. Предлагаются отдельные пути нейтрализации действия культурологических и социально-психологических факторов с целью минимизировать коррупционные риски.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, подкуп, служебные преступления.

Постановка проблемы. Несмотря на то, что причины и условия преступности являются одним из устоявшихся элементов предмета криминологической науки, следует констатировать отсутствие единства среди ученых по поводу учения о взаимосвязанности и зависимости преступных проявлений от объективных и субъективных явлений и состояний.

Сложный многовекторный характер детерминации преступности обусловил появление различных школ, направлений и концепций в объяснении преступности, которые пытались дать ответ на вопрос о первопричинах и условиях развития преступной деятельности в зависимости от степени развития общества и государства, доминирующей парадигмы преступности, политической свободы и т. п. Развитие криминологических идей о детерминации преступности и коррупции продолжается.

Не имея целью углубляться во все существующие криминологические концепции детерминации преступности и понимая практическую невоз-

можность универсализации определенной из них, попробуем определить современные особенности детерминации коррупционного подкупа служащих. Речь пойдет в первую очередь о культурологической и социально-психологической группе детерминант указанного явления.

Состояние исследования и выделение нерешенных проблем. Исследованию причин и условий коррупционных отношений вообще и коррупционного подкупа в частности в разные периоды были посвящены труды таких зарубежных и украинских ученых, как П.П. Андрушко, Б.В. Волженкин, В.Н. Дрёмин, А.П. Закалок, Б.В. Здравомыслов, П.А. Кабанов, М.И. Камлык, А.К. Квициния, А.Н. Костенко, В.Ф. Кириченко, Н.П. Кучерявый, М.Д. Лысов, Н.И. Мельник, Е.В. Невмержицкий, А.Б. Сахаров, А.Я. Светлов, Н.И. Хавронюк и многие другие. Однако, учитывая современные характеристики коррупционных отношений в Украине, смещение акцентов в понимании сущности коррупции как сугубо корыстной деятельности – неправомерного полу-

чения выгоды должностного лица – к восприятию концепции подкупа-продажности, культурологические и социально-психологические детерминанты коррупционного подкупа приобретают особое звучание.

Целью и задачей статьи является криминологическое исследование культурологических и социально-психологических детерминант коррупционного подкупа и их специфики в условиях современной Украины.

Изложение основного материала. Особое место в системе культурологических факторов коррупционного подкупа занимает несогласованность между провозглашением курса и призывами к борьбе с коррупцией на высшем государственном уровне и реальной обстановкой бездействия или даже попустительства коррупционным отношениям.

К таким факторам относятся «неподготовленные должным образом, а порой и просто бессистемные (хаотические), мимолетные «кампании» или «крестовые походы» по борьбе с коррупцией во всех ее формах, видах, сферах и проявлениях. Подобного рода «кампании» скорее вредят этой борьбе, чем производят положительный эффект, поскольку эти широко разрекламированные в средствах массовой информации антикоррупционные «кампании» преследуют чаще всего политические цели и являются одним из аморальных способов их достижения» [1, с. 122].

Кроме того, как показывают исследования, в обществе растет толерантность к коррупционным отношениям, которая формируется с одной стороны, за счет объективной функциональности коррупции, а с другой, из-за неверия в возможность противостоять подкупу, в том числе, и на уровне правоохранительных органов, которые и призваны вести борьбу со взяточничеством. В буквальном смысле слова, насаждаемые средствами массовой информации насилие, агрессия, коррупция часто связываются с деятельностью правоохранительных органов, в результате чего в обществе складывается определенный стереотип, что сотрудники правоохранительных органов «все продажные» и их не интересуют проблемы рядовых граждан [2, с. 78].

Важным фактором является от-

сутствие государственной идеологии, которая ориентировала бы на правомерное решение проблем, связанных с коррупцией. В такой обстановке в сознание граждан внедряется культ обогащения незаконным путем, распространение в жизни общества традиций, правил и других атрибутов субъективной культуры [3, с.38].

К сказанному также следует добавить низкий уровень правовой грамотности и правовой культуры населения за счет отсутствия государственных программ обеспечения правового образования рядовых граждан.

Необходимо активизировать влияние средств массовой информации на формирование правосознания и правомерного поведения граждан, атмосферы нетерпимости к коррупционному подкупу. Существенным фактором, влияющим на уровень открытости и прозрачности власти, является независимость СМИ. По своей природе СМИ является социальным институтом, который проливает свет на процессы, происходящие в государстве в том числе освещая «темные пятна» коррупционных проявлений. Указанный институт существенно влияет на общественную психологию, на создание соответствующего общественного мнения, и в итоге - на принятие общественно значимых решений определенными органами и должностными лицами в отношении лиц, совершающих коррупционные правонарушения. Результаты криминологических исследований свидетельствуют о том, что для большинства населения Украины СМИ являются главным источником информации о коррупции: 74 % респондентов указали, что такую информацию они получают из телевидения, 42% из печатных СМИ, 40 % от друзей и знакомых [4, с. 208]. Отметим, что реагирование соответствующих органов на сообщения средств массовой информации и ответственности о фактах коррупции должно иметь обязательный характер.

При рассмотрении природы коррупционного подкупа в литературе обоснованно отмечается то, что действия субъектов преступлений, связанных с получением неправомерной выгоды, не импульсивные, не спонтанные, чаще всего спланированы, имеют осознанный, осмысленный характер [5, с. 95].

Осмысленность, помимо прочего, предполагает осознание и оценку преимуществ коррупционных отношений за вычетом рисков ответственности. Таким образом, формируется функциональное восприятие подкупа как приемлемого и даже желательного решения проблем. «Вечность» коррупции, характерность ее для любого общества, действительно свидетельствует о ее функциональности, т. е. способность удовлетворить определенные требования общественной системы – упростить административные связи, ускорить принятие управленческих решений, способствовать экономическому развитию путем устранения бюрократических барьеров.

Коррупция и особенно коррупционный подкуп превращаются в неформальный механизм социального управления и регулирования и во многом начинают подменять позитивное право [6, с. 50]. В восточных обществах коррупционные действия в бизнесе и в быту («белая» коррупция) не считаются позорными, а являются интегрированными в культуру и не воспринимаются как проблема, поскольку они «всегда-навсегда» соответствуют принципам кумовства и покровительства, которые тысячелетиями институционализировались в данных обществах [7, с. 76].

Как справедливо отмечает Н.Н. Брякин, взяточничество является следствием и одновременно причиной слабости государства. Основная причина сегодняшнего взяточничества – служебная корыстность для взяточполучателя и деловая или бытовая корыстность для взяткодателя, умноженные на отсутствие политической воли борьбы с подкупом [8, с. 151].

Под политической волей понимаем то, что при наличии правовых оснований закон применяется к любому лицу независимо от занимаемой им должности, политических взглядов, родственников, близости к политическому руководству и других обстоятельств. Из-за отсутствия политической воли совершеннейшее антикоррупционное законодательство обречено на декларативное существование, а деятельность правоохранительных органов – на имитацию борьбы с преступностью.

Учитывая то, что успех противодействия коррупционному подкупу возможен лишь при наличии политической

воли, целесообразно осуществлять программирование противодействия коррупции на основании криминологических разработок и прогнозирования. При этом, особого внимания требует контроль за исполнением таких программ и инновационная разработка с целью определения показателей оценки эффективности ведомственных антикоррупционных программ.

К примеру, в Российской Федерации система показателей и методика оценки эффективности антикоррупционных программ уже созданы и проходят практическую апробацию. Система состоит из трех форм: нормативно-правовой, институциональной и экономической эффективности.

При этом учитываются не только «валовые показатели» (количество уголовных дел или раскрытых финансовых правонарушений), а прежде всего качественные индикаторы. Среди них можно назвать оценку гражданами уровня коррупции в государстве, динамику снижения административных барьеров, степень прозрачности работы государственных и муниципальных органов и т. п. [9, с. 16].

Наравне с этим к факторам существования и распространения коррупционного подкупа следует отнести отсутствие политической культуры, отчуждения общества от власти, закрытость и непрозрачность публичной информации о деятельности государственных институтов, слабость судебной системы, избирательность правосудия и, что не маловажно, проблему политического лоббирования интересов.

Как известно, при любом осознанном противоправном поведении, в том числе коррупционном, возникает противоречие между дозволенным и желаемым, между публичным и частным интересом. Поэтому в качестве криминогенного фактора можно также рассматривать и конфликт интересов государственного служащего, а тем более неспособность лично его избежать или противостоять ему.

Следует согласиться с Т.Н. Балиной в том, что в отношении психологических детерминант коррупции стоит говорить о социальной фрустрированности как о виде (форме) психологического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и статусом личности в социально-за-

данных иерархиях. ... сложилась ситуация, когда существует культ материальных ценностей, планка понятия «состоятельный человек» весьма завышена, а адекватных, правовых способов ее достижения практически нет [10, с. 68].

Значительную роль в формировании криминальной мотивации играет социально-психологическая обстановка в трудовом коллективе, который рассматривает коррупцию в качестве допустимого или желаемого типа поведения [11, с. 16].

Оценивая социально-психологические факторы коррупции, Г.С. Гончаренко указывает на так называемый «двойной моральный стандарт» [12, с. 17] – население охотно поддерживает публичные обвинения в коррупции, меры государственного воздействия на нее, но для решения собственных проблем соглашается принимать «правила игры», предложенные или навязанные коррупционерами.

При этом иногда состояние безысходности формирует для взяточдателя ситуацию добровольной вынужденности подкупа. Как указывает Ф.П. Ходеев, аффектированное состояние взяточдателя может активно эксплуатироваться взяточполучателем. При этом могут применяться различные способы административного, социального, экономического, психологического давления на личность. Усилия, направленные на повышение стресса, приводят к увеличению вероятности дачи взятки. Таким образом, взяточполучатель целенаправленно или неосознанно использует психологическую беспомощность своих потенциальных жертв [13, с. 42-43].

Преступное поведение практически всегда, за исключением возможно неосторожных преступлений, сопровождается правовым нигилизмом, деформацией правосознания. Ю.М. Оборотов отмечает традиционность правового нигилизма для нашего государства. Однако преступность воспринимается населением, прежде всего, с точки зрения морали, а не права. Поэтому, возможно, здесь следует говорить о социальном нигилизме в целом (моральный, правовой, политический, религиозный и т. д.) как о причине воспроизведения коррупционных отношений, а не только о правовом нигилизме.

Выводы. Следует отметить, что связь между коррупционным подкупом и проблемами, которые его порождают, является двусторонней и взаимонаправленной. На первый взгляд, все исследованные нами факторы коррупционных отношений, особенно культурологические и социально-психологические детерминанты, ухудшают криминогенную (коррупциогенную) ситуацию, а потому их нейтрализация способна минимизировать коррупцию и уменьшить степень коррупционных рисков. С другой стороны просматривается обратная детерминистическая связь: расширенное воспроизводство коррупционных отношений, особенно в виде подкупа, способствует обострению социально-экономических, правовых, политических, психологических и других проблем в обществе.

Список использованной литературы:

1. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение : монография. – Нижнекамск : Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. - 174 с.
2. Сахапов И.Р. Причинный комплекс коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации / Сахапов И.Р. // Закон и право. - 2011. - № 11. - С. 76-79.
3. Савенко И.А. Коррупционные преступления и меры их предупреждения: На материалах Краснодарского края : дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.08 / Савенко И. А. – Санкт Петербург, 2006. - 231 с.
4. Міжнародні науково-практичні семінари з питань боротьби з корупцією // Вісник Академії правових наук. – 2000. – № 2. - С. 208-216.
5. Брякин Н.Н. Криминологическая характеристика взяточничества в органах государственной власти : дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.08 / Брякин Николай Николаевич. – Саратов, 2010. – 241 с.
6. Селихов Н.В. Право и коррупция / Н.В. Селихов // Российский юридический журнал. – 2001. - № 2. - С. 48-53.
7. Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты коррупции / К. А.

Феофанов // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 6. - С. 73-86.

8. Брякин Н.Н. Криминологический анализ детерминантов взяточничества // Вестник СГАП. – 2009. - № 2. - С. 151-155.

9. Степашин, С. В. Государственный финансовый контроль в противодействии коррупции / С. В. Степашин // Журнал российского права. – 2012. - № 7. - С. 15-17.

10. Балина Т.Н. Психологические детерминанты коррупционного поведения / Т.Н. Балина // Философия права. – 2010. - № 6. – С. 66-70.

11. Скифский И.С. Детерминанты коррупционной преступности (по материалам судебной практики Тюменской области) / И.С. Скифский // Современное право. – 2010. - № 6. - С. 14-17.

12. Гончаренко Г.С. Коррупция и проблемы, порождающие ее / Г.С. Гончаренко // Философия права. – 2008. - № 2. - С. 12-18.

13. Ходеев Ф.П. Уголовно-правовые способы предупреждения взяточничества и оценка их эффективности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ходеев Ф.П. – Ростов-на-Дону, 2008. - 198 с.

14. Оборотов Ю.М. Теорія держави і права. Державний іспит. – Х. : Одісей, 2011. - 221 с.

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНВАЛИДОВ В УКРАИНЕ

Виталий ЧОРНЕНЬКИЙ,

ассистент кафедры основ права

Львовского национального университета имени Ивана Франко

Summary

The characteristics of the concept of constitutional and legal status of persons with disabilities and its structure are given in this article. The definition of «disabled person» is turned out separately in four areas: medical, social, economic and legal. The author concludes that the constitutional and legal status of persons with disabilities – the establishment enshrined and guaranteed by constitutional law of their position in society, which is characterized by the features of the personality, rights, freedoms and legitimate interests and responsibilities, guarantees of their implementation and legal liability.

Key words: disability, constitutional and legal status, the structure of the constitutional and legal status.

Аннотация

В статье дана характеристика понятию конституционно-правового статуса инвалидов, охарактеризована также и его структура. Отдельно выясняется дефиниция понятия «инвалид» в четырех аспектах: медицинском, социальном, экономическом и юридическом. Автор приходит к выводу, что конституционно-правовой статус инвалидов – установленное, закрепленное и гарантированное нормами конституционного права их положение в обществе, что характеризуется особенностями правосубъектности, прав, свобод, законных интересов и обязанностей, гарантий их осуществления и юридической ответственностью.

Ключевые слова: инвалид, конституционно-правовой статус, структура конституционно-правового статуса.

Актуальность исследования. Лица с ограниченными возможностями относятся к категории физических лиц, которые больше всего испытывают негативное отношение со стороны общества и государства. Именно поэтому они требуют повышенных правовой поддержки и защиты, по сравнению с другими субъектами конституционных правоотношений. Из-за анатомической, физиологической или психической ограниченности инвалид имеет трудности в защите своих прав и свобод столь же эффективно, как здоровый человек. Проблема реализации правового статуса, защиты прав и свобод лиц с ограниченными возможностями и их гарантии является многоаспектной, что, соответственно, требует проведения тщательного и целостного анализа конституционно-правового статуса инвалидов в Украине. Определение понятия конституционно-правового статуса инвалидов и его составных элементов обусловлено тем, что: во-первых, в науке конституционного права практически отсутствуют теоретические разработки правового статуса инвалидов, во-вторых, стремительный процесс принятия нормативно-правовых актов, направленных на

защиту прав инвалидов, привел к появлению значительного количества актов, часть которых по содержанию являются коллизионным, что в свою очередь затрудняет реализацию конституционных положений относительно правового статуса инвалидов в Украине.

Состояние исследования. Понятие и структура конституционно-правового статуса инвалидов в отечественной науке остается малоисследованной. К ученым, которые касались в научных исследованиях отдельных аспектов структуры конституционно-правового статуса инвалидов, относятся: Колодий А.М., Олейник А.Ю., Француз-Яковец Т.А., Фрицкий А.Ф., Рабинович П.М., Хавронюк Н.И., Павлюков Р.О. и др.

Несмотря на то, что в последнее время правовой статус инвалидов привлекает как общественное внимание, так и внимание научного сообщества, на сегодня в Украине отсутствует комплексное исследование конституционно-правового статуса инвалидов. Именно поэтому целью данной статьи является исследование понятия и структуры конституционно-правового статуса инвалидов.

Изложение основного материала.

Прежде чем перейти к непосредственно-